

Джон Стейнбек

Обещание

Весенним днем маленький Джоди браво вышагивал по дороге, с обеих сторон окаймленной кустарником. Постукивая коленом о золотистое, как свиной жир, ведро, в котором он носил школьный завтрак, Джоди будто бил в большой гулкий барабан, а языком имитировал дробь маленьких военных барабанов и гуденье труб. Остальные воины его отделения, шедшие походным порядком от самой школы, постепенно разбрелись по оврагам и ущельям и проселками потопали к своим ранчо. И сейчас Джоди маршировал как бы один, высоко вскидывая колени и впечатывая подошвы в дорогу; однако следом шла невидимая армия с большими флагами и мечами, безмолвная, но смертоносная.

День был по-весеннему золотисто-зеленый. Под раскидистыми ветвями дубов тянулось вверх неприметное разнотравье, склоны лоснились от изобилия пастбищных кормов. Полынь блестела свежими серебристыми листочками, дубы надели покров из зеленого золота. Воздух над холмами так благоухал зеленью, что лошади на равнинах носились галопом, словно обезумев, а потом вдруг замирали на месте, во что-то вслушиваясь; ягнята и даже старые овцы ни с того, ни с сего подпрыгивали в воздух, приземлялись на одеревеневшие ноги и продолжали спокойно пастись; молодые неуклюжие телята бодались, отскакивали в стороны и снова принимались бодаться.

Когда ведомая Джоди армия, серая и безмолвная, маршировала мимо, животные переставали пастись и резвиться и как по команде поворачивали головы.

Внезапно Джоди остановился. Тотчас, озадаченные и встревоженные, замерли на месте воины серой армии. Джоди опустился на колени. Минуту армия – длинные колонны – стояла, переминаясь с ноги на ногу, потом, испустив печальный вздох, взвилась легкой серой дымкой и исчезла. В пыли дороги Джоди разглядел колючий гребешок жабовидной ящерицы. Его грязная рука потянулась вперед, схватила зубчатый венчик и крепко сжала его, не давая маленькому зверьку вырваться. Потом Джоди перевернул ящерицу бледно-золотистым брюшком вверх. Указательным пальцем он принялся легонечко поглаживать маленькую шейку и грудку, и пленница наконец расслабилась, запахнула глазки и погрузилась в благодатную дрему.

Открыв ведро для завтраков, Джоди поместил туда первую добычу. Теперь можно идти дальше; он шел, слегка сгибая колени, чуть втянув голову в плечи, босые ноги ступали по земле вкрадчиво, бесшумно. В правой руке он держал длинную серую винтовку. Кусты вдоль дороги, где неожиданно поселились серые тигры и серые медведи, растревоженно покачивались. Охота была очень удачной – пока Джоди добрался до развилки, до столба с почтовым ящиком, он изловил еще двух жабовидных ящериц, четырех маленьких ящерок, голубую змейку, шестнадцать желтокрылых кузнечиков, а из-под камня извлек коричневого скользкого тритона. Вся эта разношерстная компания безрадостно скреблась о жестяные стенки ведра.

У развилки винтовка испарилась, а тигры и медведи на склонах холмов растаяли. Даже влажные несчастные существа в ведре и те словно исчезли, потому что Джоди увидел: на почтовом ящике поднят красный металлический флажок – значит, внутри что-то лежит. Он поставил ведро на землю, открыл ящик. Там оказался каталог «Монтгомери Уорд» и журнал «Салинас уикли». Захлопнув ящик, Джоди подобрал ведро и, припустив

вприпрыжку, перебрался через кряж – вот и лощина, а в ней – их ранчо. Он пробежал мимо коровника, мимо чахлого стога сена, мимо сарая и кипариса. Хлопнув по металлической сетке на двери, он крикнул:

– Мэм, мэм, каталог пришел!

Миссис Тифлин была на кухне, ложкой наливала свернувшееся молоко в марлевый мешочек. Отложив ложку, она сполоснула руки под краном.

– Я здесь, Джоди. На кухне.

Он вбежал и с грохотом поставил ведро на раковину.

– Вот он. Можно я его посмотрю, мэм?

Миссис Тифлин снова взяла ложку и принялась накладывать простоквашу в мешочек.

– Только не потеряй его, Джоди. Отец обязательно захочет посмотреть. – Она выскребла в мешочек остатки молока. – Да, Джоди, прежде чем займешься своими делами, сходи к отцу.

Она отогнала летающую вокруг мешочка муху.

Джоди обеспокоено закрыл каталог.

– Что, мэм?

– Почему ты никогда не слушаешь? Я говорю, отец велел тебе подойти к нему.

Мальчик осторожно положил каталог на край раковины.

– А ты... я что-то натворил?

Миссис Тифлин засмеялась.

– Всегда совесть нечиста. Что же ты натворил?

– Ничего, мэм, – промямлил он. Никаких особых прегрешений он за собой не помнил, к тому же никогда не скажешь, за что именно потом можно схлопотать на орехи.

Мать повесила полный мешочек на гвоздь, чтобы капли падали прямо в раковину.

– Просто он велел тебе подойти к нему, когда явишься. Он где-то у конюшни.

Джоди повернулся и вышел через заднюю дверь. Тут мать открыла ведро для завтраков и испустила гневный вопль. Джоди мгновенно понял, в чем дело, и вприпрыжку побежал к конюшне, намеренно не слыша сердитый голос, звавший его из дому.

Карл Тифлин и Билли Бак, их работник, стояли, опершись на забор – нога на нижней перекладине, локти на верхней, – что огораживал нижнее пастбище. Они вели неспешный и бесцельный разговор. На пастбище полдюжины лошадей безмятежно пощипывали свежую травку. Кобыла Нелли, повернувшись крупом к калитке, терлась о тяжелый столб.

Джоди робко, не без тревоги на душе приближался к мужчинам. Он шел разболтанной походкой, изображая человека в высшей степени простодушного и беспечного. Подойдя к забору, он поставил ногу на нижнюю перекладину, локти положил на верхнюю и тоже стал смотреть на пастбище.

Мужчины искоса поглядели на него.

– Я тебя звал – сказал отец суровым тоном, какой он берег для детей и животных.

– Да, сэр, – сказал Джоди виновато.

– Вон Билли говорит, что ты хорошо ходил за пони, пока он был жив.

Наказанием вроде не пахло. Джоди приободрился.

– Да, сэр, ходил.

– Билли говорит, ты с лошадьми терпелив, у тебя добрые руки.

Джоди вдруг ощутил прилив благодарности к их помощнику.

– В этого пони он всю душу вложил, – подтвердил Билли.

Тогда Карл Тифлин постепенно перешел к делу.

– Будь у тебя другая лошадь, ты бы стал за ней ходить?

Джоди вздрогнул.

– Да, сэр.

– Что ж, тогда слушай. Билли говорит, что нет лучше пути стать хорошим конюхом, чем вырастить жеребенка.

– Единственно верный путь, – перебил Билли.

– Слушай меня, Джоди, – продолжал Карл. – У Джесса Тейлора, хозяина ранчо на горе, есть отличный жеребец производитель, но это нам обойдется в пять долларов. Деньги я дам, но тебе придется отрабатывать их все лето. Согласен?

Внутри у Джоди все сжалось.

– Да, сэр, – едва вымолвил он.

– А хныкать не будешь? Не будешь забывать, когда тебе велят что-то сделать?

– Нет, сэр.

– Стало быть решено. Завтра утром отведешь Нелли на верхнее ранчо, чтобы там ее покрыть. Будешь и за ней ухаживать, пока не родит жеребеночка.

– Да, сэр.

– А теперь займись цыплятами и притащи в дом дров.

Джоди не заставил отца повторять дважды. Проходя позади Билли Бака, он едва не протянул руку – захотелось дотронуться до ног в голубых джинсах. Плечи его чуть покачивались – вот какой я взрослый, вот что мне доверили.

Он взялся за свою работу с неслыханной серьезностью. Вечером он не стал вываливать пшеницу из жестянки в кучу – цыплятам приходилось наскакивать друг на друга и сражаться за ужин. Нет, он высыпал зерна так равномерно и аккуратно, так далеко, что некоторых зерен куры даже не нашли. А в доме, выслушав огорченную мать – до чего доходят некоторые мальчишки, запихивают в свои ведерки для завтраков липких полузадушенных пресмыкающихся, и насекомых в придачу, – Джоди обещал никогда больше этого не делать.

У него и вправду возникло ощущение, что все эти детские забавы – в прошлом. Запихивать в ведерко для завтрака жабовидных ящериц – он явно вышел из этого возраста. Он натаскал в дом столько дров и построил из них такую высоченную пирамиду, что мать ходила мимо в страхе – вдруг на нее обрушится дубовая лавина. Покончив с дровами, собрав яйца, которые лежали в соломе уже бог знает сколько времени, Джоди снова прошел мимо кипариса и мимо сарая – к пастбищу. Жирная в бородавках жаба, выглянувшая из-под желоба для водопоя, не всколыхнула в нем никаких чувств.

Карла Тифлина и Билли Бака видно не было, но по металлическому позвякиванию с другой стороны коровника Джоди догадался: Билли Бак доит корову.

Другие лошади, пощипывая траву, продвигались к дальнему краю пастбища. Нелли же, как и раньше, нервно терлась о столб. Джоди медленно подошел к ней, приговаривая:

– Ну, девочка, ну-у, Нелли.

Кобыла капризно повела ушами и, оттопырив губы, обнажила желтый ряд зубов. Крутнула головой; глаза ее горели безумным блеском. Джоди залез на забор, свесил ноги и принялся по-отечески наблюдать за кобылой.

Он сидел так, и постепенно подкрался вечер. В воздухе замелькали летучие мыши, козодои. Билли Бак, шедший к дому с полным ведром молока, завидел Джоди и остановился.

– Ждать придется долго, – мягко произнес он. – Весь изведешься от ожидания.

– Не изведусь, Билли. А сколько ждать?

– Около года.

– Ничего, дождусь.

Из дома донесся резкий звон – ударили в треугольник. Джоди соскочил с забора и вместе с Билли Баком пошел ужинать. Он даже взялся за ручку ведра с молоком – подсобить Билли.

На следующее утро после завтрака Карл Тифлин завернул пятидолларовый банкнот в обрывок газеты; сунул пакетик в нагрудный карман комбинезона Джоди и зашпилил булавкой. Билли Бак, надев на Нелли недоуздок, вывел ее с пастбища.

– Только будь осторожен, – предупредил он. – Длинный повод ей не давай, не то, чего доброго, укусит. Она сейчас как бешеная.

Взяв кожаный недоуздок, Джоди зашагал в гору, к ранчо, за ним, едва касаясь копытами земли, пританцовывала Нелли. На выпасных угодьях вдоль дороги уже высовывались из своих ножен продолговатые зерна овса. Теплое утреннее солнце приятно щекотало Джоди спину, и при всей своей взрослости он не мог не подпрыгнуть на прямых ногах разок-другой. На изгородях сидели глянцевые черные дрозды с красными эполетами, они пощелкивали клювами, отрывисто перекликались. Жаворонки журчали подобно ручью, а дикие голуби, сокрытые среди пышной листвы дубов, сдержанно-печально курлыкали. В полях на солнышке грелись кролики, из травы торчали только их расщепленные надвое уши.

Целый час Джоди неуклонно поднимался в гору, потом свернул на узкую дорогу, что по более крутому склону вела к ранчо. Из-за дубов появилась красная крыша конюшни, неподалеку от дома беззлобно лаяла собака.

Вдруг Нелли скакнула назад и едва не вырвалась. Со стороны конюшни донесся резкий свистящий взвизг, потом хрустнуло дерево, и мужской голос что-то закричал. Нелли встала на дыбы и негромко заржала. Джоди вцепился в недоуздок, и кобыла кинулась на него, оскалив

зубы. Выпустив ремешок, Джоди юркнул в сторону, в кусты. Звонкий визг из-за дубов повторился, и Нелли ответила на клич. С холма, колотя копытами землю, мчался жеребец, за ним волочился выдранный ремень недоуздки. Глаза его горели лихорадочным огнем. Раздувшиеся ноздри словно извергали пламя. Черная лоснящаяся шкура блестела на солнце. Жеребец налетел так быстро, что, доскакав до кобылы, не сумел сбавить ход. Уши Нелли прижались к голове; крутнувшись на месте, она лягнула пронесшегося мимо жеребца. Тот развернулся, встал на дыбы. Ударил кобылу передним копытом, она пошатнулась, и он расцарапал ей шею зубами, на ней выступила кровь.

Настроение у Нелли вмиг переменилось. Она внезапно обернулась кокетливой дамой. Ущипнула губами изогнутую шею жеребца. Обошла вокруг него и потерлась лопаткой о его лопатку. Джоди стоял и смотрел из-за кустов. Позади раздалось цоканье копыт, и, не успев обернуться, чья-то рука взяла его за лямки комбинезона и подняла с земли. Джесс Тейлор посадил мальчика на лошадь, себе за спину.

– Тебя запросто могли убить, – сказал он. – Солнечный Дог – сущий дьявол, когда ему что в голову втемяшится. Ведь он сорвался с привязи и махнул прямо через ворота.

Джоди тихонько сидел сзади, но через мгновение воскликнул:

– Он же поранит ее, убьет. Заберите его!

Джесс хмыкнул.

– Ничего ей не будет. Ты лучше слезай и иди пока в дом. Там, вроде, пирогом можно полакомиться.

Но Джоди покачал головой.

– Она моя, и жеребеночек будет мой. Я буду его растить.

Джесс кивнул.

– Да, это здорово. Иногда Карлу толковые мысли приходят.

Скоро опасность миновала. Джесс приподнял Джоди, опустил на землю и поймал жеребца за оборванный недоуздок. И поскакал с ним вперед, а Джоди пошел следом, ведя Нелли.

Джоди отстегнул булавку и передал Джессу пять долларов, съел два куса пирога и лишь после этого пошел домой. За ним покорно следовала Нелли. Она была такой смиренной, что Джоди с пенька залез ей на спину и почти всю дорогу до дома проехал верхом.

За эти пять долларов Джоди с конца весны и на все лето попал в настоящую кабалу. Во время сенокоса всюду трудился на уборке. Он вел лошадь, которая тащила сеноуборочник, а когда пришел пресс для упаковки, Джоди направлял лошадь по кругу, и сено прессовалось. Кроме того, Карл Тифлин научил его доить корову и поручил ему эту хлопотливую работу, и теперь Джоди каждое утро и каждый вечер был при новом деле.

Гнедая кобыла Нелли быстро переменилась – стала какой-то умиротворенной. Когда она паслась на желтеющих склонах или делала легкую работу, на губах ее вечно поигрывала бессмысленная улыбка. Двигалась она величаво, со спокойным достоинством императрицы. Когда ее запрягали, она тащила телегу спокойно и бесстрастно. Джоди навещал Нелли каждый день. Он критически оглядывал ее, но никаких изменений не находил.

Как-то днем Билли Бак, наработавшись, прислонил частые вилы для навоза к стене конюшни. Распустил ремень, заправил выбившуюся из штанов рубашку, снова затянулся. Из-за ленты на шляпе вытащил соломинку и воткнул в уголок рта. Увидев, что Билли благодушествует

возле коровника, Джоди тотчас выпрямился – он помогал Бою, большому серьезному псу, изловить зарывшуюся в землю крысу.

– Пойдем проведем Нелли, – предложил Билли.

Джоди не задумываясь согласился. Бой посмотрел на них, повернув морду, потом стал яростно рыть землю, заскулил и несколько раз тоненько твякнул – мол, крыса вот-вот будет поймана. Но когда он снова оглянулся и увидел, что его старания не интересуют ни Джоди, ни Билли, он неохотно выбрался из ямки и поплелся за ними вверх по холму.

Овес набирал силу. Колосья налились зерном и гнули головы, а высохшая трава шелестела под ногами Джоди и Билли. Поднявшись до середины холма, они увидели Нелли и серо-стальной масти мерина Пита – они пощипывали овес. Завидев людей, Нелли прынула ушами, воинственно дернула головой вверх и вниз. Билли подошел к ней, сунул руку под гриву и потрепал по холке, тогда она расслабленно повела ушами и нежно лизнула его за рубашку.

– Думаешь, у нее будет жеребёночек? – спросил Джоди.

Большим и указательным пальцами Билли раздвинул кобылы веки. Потрогал нижнюю губу, пощупал черные кожистые соски.

– Не удивлюсь, – заключил он.

– Но ведь она совсем не изменилась. А уж три месяца прошло.

Костяшками пальцев Билли провел по плоскому лбу кобылы, и она заурчала от удовольствия.

– Я же тебе говорил – замучишься ждать. Пока хоть какой признак появится, пройдет месяцев пять, а жеребёночка она выкинет, самое малое, через восемь месяцев, где-то в январе.

Джоди глубоко вздохнул.

– Значит, долго ждать придется, да?

– А потом еще два года, пока сядешь на него верхом.

– Я буду уже взрослый, – в отчаянии выкрикнул Джоди.

– Да, совсем старик, – подтвердил Билли.

– Как думаешь, какого он будет цвета?

– Ну, это никогда не угадаешь. Жеребец черный, кобыла была гнедая, жеребенок может выйти черным, либо гнедым, а может и серым, и в яблоках. Никогда не угадаешь. Бывает, у черной кобылы рождается белый жеребенок.

– Пусть лучше родится черный, и чтобы именно он, а не она.

– Если родится жеребчик, придется его выхолостить. Отец не позволит тебе держать жеребца-производителя.

– Может, позволит, – не согласился Джоди. – Я его обучу, чтобы не зловредничал.

Билли поджал губы, и соломинка выкатилась из угла рта.

– Жеребцу-производителю доверять нельзя, – категорично заявил он. – Они только и знают,

что биться и куролесить. А найдет на них дурь, так они даже работать не хотят. Кобылам не дают спуску, а меринов лупят копытами почем зря. Отец не позволит, чтобы у тебя был жеребец-производитель.

Нелли неторопливо удалялась, пощипывая сухую траву. Джоди взял колосок, вышелушил из него зерна, подбросил пригоршню в воздух, и каждое заостренное оперенное зернышко поплыло по воздуху, будто стрелка.

– Билли, расскажи, как все будет. Как у коровы, когда она телится?

– Примерно. Кобылы, правда, они почувствительнее. Бывает, кобыле приходится помогать. А если что не так, то иногда... – он умолк.

– Что иногда, Билли?

– Жеребенка приходится разрывать на части, чтобы вытащить, иначе кобыла умрет.

– Но сейчас такого не случится, правда, Билли?

– Нет, что ты, у Нелли жеребята как на подбор.

– А посмотреть разрешишь? Билли, ты меня позовешь? Ведь жеребенок будет мой.

– Конечно, позову. Ясное дело.

– Расскажи, как все будет.

– Ты же видел, как телятся коровы. Тут почти то же самое. Кобыла начинает стонать, вытягиваться, а потом, если роды нормальные, появляются голова и передние ноги, потом жеребенок, точно как и теленок, передними копытами пробивает дыру. И начинает дышать. В это время лучше быть рядом, потому что, если ноги не на месте, он может не прорвать плодный мешок и задохнуться.

Джоди вытер ногу пучком травы.

– Значит, мы будем рядом?

– Обязательно.

Они медленно пошли вниз по холму к коровнику. Джоди мучался: он должен сказать то, чего ему говорить совсем не хочется.

– Билли, – начал он тоскливо, – ведь ты не допустишь, чтобы с жеребенком что-то случилось?

Билли сразу понял: Джоди думает о рыжем пони, Габилане, как он умер от удушья. До этой истории Билли был безупречен, а тут оказалось, что и ему не все подвластно. И, конечно, уверенности в себе у него поубавилось.

– Наверняка не скажешь, – отрывисто буркнул он. – Случиться может всякое, и не по моей вине. – Ему было неприятно, что престиж его упал, и он хмуро добавил: – Я сделаю все, что могу, но обещать ничего не обещаю. Нелли – добрая кобыла. И жеребят раньше приносила добрых. Надеюсь, и в этот раз не подкачает.

И, отойдя от Джоди, он скрылся в каретнике возле конюшни, потому что его обидели в лучших чувствах.

Джоди частенько ходил к живой изгороди позади дома. В старое позеленевшее корыто из

ржавой железной трубы тонкой струйкой стекала родниковая вода. Там, где вода переливалась на землю, росла трава – вечнозеленой заплаткой. Даже когда холмы выгорали под палящим летним солнцем, здесь все равно торжествовала зелень. Вода тихонько журчала по желобу круглый год. Именно сюда тянуло Джоди. Когда его наказывали, прохладная зелень травы и поющие струйки утешали его. Когда в него вселялся чертенок-злодей, чертенок этот переставал озоровать у живой изгороди. Когда он сидел в траве и слушал курлыкание родника, рушились барьеры, какие были воздвигнуты в его душе суровыми невзгодами дня.

С другой стороны, черный кипарис возле сарая был ему столь же ненавистен, сколь было дорого корыто; к этому дереву раньше или позже приводили всех свиней и здесь закалывали. От этого зрелища захватывало дух – пронзительный визг, кровь, – но сердце Джоди начинало колотиться до боли. Потом свиней шпарили в большом железном котле на трех ногах, отскребали добела их шкуры, а Джоди уходил к своему корыту – посидеть в траве, пока сердце не успокоится. Корыто и черный кипарис – это были противоположности, враги.

Когда Билли сердито ушел прочь, Джоди зашагал к дому. По дороге думал о Нелли, о жеребенке. Каким-то образом он забрел под черный кипарис, под то самое одинокое дерево, на которое вешали свиные туши. Откинув со лба соломенную челку, Джоди заспешил дальше. Ведь это, наверное, дурная примета – думать о жеребенке возле свинобойни, тем более после слов Билли. Чтобы это прискорбное совпадение не имело зловещих последствий, Джоди быстро прошел мимо дома и через загон для кур и огород выбрался к живой изгороди.

Уселся в зеленую травку. В ушах трелями зазвучала бегущая вода. Он окинул взглядом ферму, повернул голову к холмам – круглым, в золоте колосающегося жнивья. На склоне паслась Нелли. Здесь, у воды, как всегда, скрадывалось и время, и расстояние. Перед мысленным взором Джоди возник вороной длинноногий жеребенок, он терся о бока Нелли и требовал молока. А вот и сам Джоди: он накидывает уздечку на жеребенка покрупнее. Еще несколько мгновений – и жеребенок обернулся великолепным конем, широкогрудым, с высокой изогнутой шеей, как у морского конька, хвост черными языками пламени мечется вокруг туловища. Этот красавец конь признавал только одного хозяина – Джоди. На школьном дворе мальчишки умоляли Джоди: дай прокатиться! – и он милостиво разрешал. Но едва им удавалось забраться коню на спину, этот черный демон сбрасывал их на землю. Так его и надо назвать, Черный Демон! На мгновенье трели воды, и трава, и солнце вернулись на свои места, а потом...

Иногда по ночам обитатели ранчо, сладко спавшие в своих постелях, слышали громкий перестук копыт. И говорили: «Это Джоди, на Демоне. Опять вызвался помогать шерифу». А потом... Воздух на арене «Салинас родео» пропитан желтой пылью. Диктор объявляет начало соревнований – кто быстрее заарканит быка. Когда к месту старта на вороной лошади подъезжает Джоди, остальные участники недовольно жмутся, потому что знают – первого места им не видать. Джоди и Демон заарканят и обвяжут быка куда быстрее любого команды из двух человек. Джоди уже не мальчик, а Демон – не просто лошадь. Они слились воедино, они одно великолепное целое. А потом...

Он получает письмо от самого президента – не поможет ли Джоди поймать в Вашингтоне бандита? Джоди поудобнее устроился в траве. В поросшее мхом корыто, чуть побулькивая, стекала родниковая вода.

Год тянулся медленно. Порой Джоди терял надежду, думал, что никогда не дождет жеребенка. Тем более что никаких перемен с Нелли не происходило. Карл Тифлин еще запрягал ее в легкую повозку, и она тянула сенные грабли, работала на уборке сена, когда им загружали конюшню.

Кончилось лето, пришла теплая, радующая глаз осень. А потом над землей по утрам стали носиться буйные ветры, в воздухе повеяло морозцем, кусты сумаха вошли в красный цвет. Как-то сентябрьским утром, после завтрака, мать позвала Джоди на кухню. Она наливала кипящую воду в ведро, полное сухих высевок, и помешивала варево, оно на глазах превращалось в дымящуюся пасту.

– Что, мама? – спросил Джоди.

– Смотри, как я готовлю! Впредь это будет твоя работа, через день.

– А что это?

– Теплая каша для Нелли. Ей сейчас полезно.

Джоди потер лоб костяшками пальцев.

– А она не болеет? – робко спросил он.

Миссис Тифлин поставила чайник и помешала кашу деревянной мешалкой.

– Конечно, нет, но с сегодняшнего дня тебе надо еще лучше за ней ухаживать. Вот, отнеси-ка ей завтрак!

Джоди схватил ведро и побежал мимо сарая, мимо коровника, тяжелое ведро постукивало его по коленям. Нелли играла водой в желобе – нагоняла волны и откидывала голову, а вода при этом выплескивалась на землю.

Джоди перелез через забор и поставил рядом с Нелли ведро дымящейся кашицы. Потом отступил на шаг и посмотрел на нее. И увидел – она изменилась. Брюхо вздулось. Копытами ступала мягко, осторожно. Зарывшись мордой в ведро, она жадно накинулась на горячий завтрак. Наевшись досыта, она немного покатала ведро носом, потом тихонько подошла к Джоди и потерлась о его бок.

Из каретника появился Билли Бак и подошел к Джоди.

– Как начнет расти, не остановишь, верно?

– Неужто у нее все враз выросло?

– Нет, ты просто не обращал внимания. – Он взял кобылу за холку и повернул головой к Джоди. – Теперь она будет очень ласковая. Видишь, какие ласковые у нее глаза. Некоторые кобылы в это время злые, но уж если ластятся, значит, готовы любить все на свете. – Нелли сунула голову Билли под мышку и потерлась шеей вверх и вниз между его рукой и поясом. – Так что и с ней надо быть очень ласковым, – сказал Билли.

– А еще долго? – затаив дыхание спросил Джоди.

Билли что-то зашептал, загибая пальцы.

– Месяца три, – сказал он вслух. – Точно не скажешь. У одной выходит одиннадцать месяцев день в день, а у другой на пару недель раньше, либо на месяц позже, и никакой беды в этом нет.

Джоди уставился в землю.

– Билли, – чуть нервничая, начал он, – ты ведь меня позовешь, когда начнутся роды, правда? Позволишь мне быть при этом?

Билли чуть куснул Нелли за кончик уха.

– Карл хочет, чтобы ты с самого начала все делал сам. Только тогда наука пойдет впрок. Свою голову и руки тебе никто не приделает. Мой старик однажды вот так проучил меня с попоной. Когда я был ростом с тебя, он был погонщиком и я ему частенько помогал. Как-то раз я плохо положил попоны и седлом натер лошади спину. Отец не стал кричать на меня, браниться. Но на следующее утро взвалил на меня тяжеленное седло, фунтов эдак в сорок. Солнце палило нещадно, а мне пришлось вести лошадь через гору, да и самому гнуться под седлом. Едва жив остался, но с тех пор попоны всегда кладу аккуратно, без единой морщинки. Просто не могу иначе. Каждый раз вспоминаю седло у себя на горбу.

Джоди протянул руку и взял Нелли за гриву.

– Но ведь ты мне расскажешь, как что делать? Ты же все про лошадей знаешь, да?

Билли засмеялся.

– Между прочим, я сам наполовину лошадь, – сказал он. – Матушка померла при родах, а старик мой возил груз на лошадях да мулах, коров почти никогда под рукой не было, вот он и поил меня кобыльим молоком. – Билли продолжал уже серьезно. – И лошади это чувствуют. Верно, Нелли?

Кобыла повернула голову и с минуту глядела прямо ему в глаза, чего лошади почти никогда не делают. Билли возгордился, снова обрел уверенность в себе. Даже стал хвастаться.

– Будет у тебя отличный жеребенок – уж я постараюсь! И научу тебя всему, что надо, с самого начала. Будешь меня слушать – станешь хозяином лучшей лошади в стране.

Тут и у Джоди на душе потеплело, и он загордился; так загордился, что по пути домой сгибал ноги и покачивал плечами, как настоящий наездник. И шептал себе под нос: «Тпру, Черный Демон, тпру! Стой смирно, нечего бить копытом!»

Зима накатила сразу. Легкая подготовка – несколько порывистых ливней, – а потом зарядил сильный дождь. Холмы утратили желтизну и почернели от воды, по каньонам шумно заструились вниз зимние потоки. Повеяли из земли грибы и дождевики, еще до Рождества стала пробиваться новая травка.

Но в этот год главным днем для Джоди было вовсе не Рождество. Осевым днем, вокруг которого вращались месяцы, стало некое неизвестное число в январе. Когда пошли дожди, Джоди отвел Нелли в стойло и каждое утро кормил ее теплой пищей, дочиста скреб и причесывал.

Между тем кобыла так надувалась, что Джоди начал тревожиться.

– Чего доброго, возьмет и лопнет, – сказал он Билли.

Билли положил сильную квадратную ладонь на вспухшее брюхо Нелли.

– Пощупай здесь, – негромко велел он. – Чувствуешь, как шевелится? Небось удивишься, если там окажутся два жеребеночка?

– Нет, правда? – воскликнул Джоди. – Неужели их может оказаться двое?

– Вряд ли, но вообще такое бывает.

Первую половину января дождь лил не переставая. Когда Джоди не был в школе, он почти все время проводил в стойле у Нелли. Двадцать раз на дню ощупывал ее брюхо – шевелится

ли жеребенок? Нелли теперь встречала его совсем дружелюбно, стала как ручная. То и дело терлась о его бок носом. Стоило ему появиться в конюшне, начинала тихонько ржать.

Однажды вместе с Джоди в конюшню пришел Карл Тифлин. Довольным взглядом он окинул ухоженную шкуру кобылы, пощупал крепкую плоть на ребрах и лопатках.

– Ты здорово потрудился, – сказал он Джоди. В его устах это была величайшая похвала. Потом Джоди целый день так и распирало от гордости.

Пришло пятнадцатое января, а жеребенок все не появлялся на свет. Не родился он и к двадцатому. Где-то в желудке у Джоди поселился ком страха.

– Все идет хорошо? – спросил он Билли.

– Ясное дело.

И снова:

– Все будет хорошо?

Билли потрепал кобылу по холке. Она встревоженно качнула головой.

– Я же тебе говорил, Джоди, – со сроками раз на раз не приходится. Надо подождать.

Пришел конец месяца, а родов все не было, и Джоди ходил сам не свой. Нелли так распухла, что с трудом дышала, уши торчали под углом друг к дружке, будто у нее болела голова. Ночью Джоди метался по кровати, сны ему снились какие-то обрывочные, смутные.

В ночь на второе февраля он с криком проснулся. Мать стала успокаивать его:

– Джоди, тебе что-то приснилось. Проснись и засыпай снова.

Но Джоди был переполнен страхом, каким-то безысходным отчаянием. Некоторое время он лежал тихо, ждал, когда мать уснет, потом бесшумно оделся и босиком прокрался на улицу.

Его окружила густая чернота ночи. Моросил дождь. Неясными очертаниями возникли и тут же исчезли в тумане кипарис и сарай. Он стал открывать дверь конюшни, и она заскрипела, хотя днем за ней такого не водилось. Джоди подошел к полке, отыскал фонарь и жестянку со спичками. Зажег фитиль и по длинному устланному соломой проходу пошел к стойлу Нелли. Она стояла и всем телом колыхалась из стороны в сторону. «Ну-у, Нелли, ну-у», – позвал ее Джоди, но она знай покачивалась, даже не оглянулась. Он коснулся рукой ее лопатки и почувствовал – Нелли всю трясет. Тут с сеновала прямо над стойлом раздался голос Билли Бака:

– Джоди, ты что здесь?

Джоди отпрянул и затравленно глянул на сеновал, где устроился на ночлег Билли.

– У нее все хорошо, Билли, как думаешь?

– Ясное дело, хорошо.

– Ты ведь не допустишь, чтобы с ней что-то случилось?

– Сказал же, чуть что, я тебя позову, – окрысился сверху Билли. – Значит, позову. А теперь иди спать и не тревожь кобылу. У нее и без тебя забот хватает.

Джоди съежился – никогда еще Билли не говорил с ним таким тоном.

– Мне просто захотелось посмотреть, как она, – объяснил он. – Не спится.

Билли чуть смягчился.

– Все равно иди спать. Нечего тебе ее будоражить. Сказал же: будет у тебя хороший жеребенок. Давай, марш спать.

Джоди побрел к выходу. Загасил фонарь, поставил на полку. Непроглядная тьма ночи и стылый туман налетели на него, заключили в объятия. Хотелось верить в слова Билли, как верил он в них до того, как умер пони. Лишь через несколько мгновений его глаза, ослепленные едва колыхавшимся огоньком фонаря, приспособились к темноте. Влажная земля студила босые ноги. Индюшки, что устроились под кипарисом на ночлег, тревожно заверещали, а два пса, крепко зная свое дело, выскочили и принялись на всякий случай лаять: вдруг к дереву подкрались койоты?

Пробираясь через кухню, Джоди споткнулся о стул. Из спальни донесся оклик Карла:

– Кто там? Что такое?

А миссис Тифлин отозвалась сквозь сон:

– Что такое, Карл?

В следующую секунду Карл, держа в руках свечу, вошел из спальни и увидел Джоди, еще не успевшего прошмыгнуть в свою комнату.

– Ты почему не в постели?

Джоди смущенно отвел взгляд.

– Хотел посмотреть, как там кобыла.

Отец не знал, отругать ему сына или похвалить.

– Слушай, – сказал наконец Карл. – В этой стране нет человека, который понимает в жеребятках больше, чем Билли. Свое дело он сделает.

– Но ведь пони умер... – сорвалось у Джоди с языка.

– Билли тут ни при чем, – твердо возразил Карл. – Если он не сумел спасти лошадь, значит, ее не спас бы никто.

– Карл, пусть он вымоет ноги и идет спать, – вмешалась миссис Тифлин. – Иначе завтра весь день будет ходить сонный.

Джоди показалось, что он только-только задремал, как вдруг кто-то решительно встряхнул его за плечо. Рядом стоял Билли Бак, держа в руке фонарь.

– Вставай, – сказал он. – Скорее. – Повернулся и быстро вышел из комнаты.

– В чем дело? – крикнула миссис Тифлин. – Это ты, Билли?

– Да, хозяйка.

– У Нелли началось?

– Да, хозяйка.

– Ясно. Сейчас поднимусь и нагреею воду, может, тебе понадобится.

Джоди влез в одежду быстро, как по тревоге, – когда он выскочил через заднюю дверь, фонарь Билли покачивался только на полпути к конюшне. Рассвет уже обозначил горные вершины, но в долине пока царилась тьма. Джоди припустил за фонарем и поравнялся с Билли у самой конюшни. Билли повесил фонарь на гвоздь, вбитый в перегородку стойла, скинул с себя голубую рабочую куртку. Под ней оказалась только майка.

Нелли стояла не шевелясь, застыв от напряжения. Вдруг сжалась, скрючилась – все тело свело судорогой. Судорога прошла. Но через минуту повторилась.

– Что-то не так, – нервно пробурчал Билли. Голая рука его исчезла.

– Господи, – сказал он. – Не так.

Тело лошади снова свело судорогой, и на сей раз Билли напрягся, на руке и плече вздулись мышцы. Весь нутурился, на лбу выступили крупные капли пота. Нелли громко заржала от боли. А Билли все бормотал:

– Не так. Не поворачивается. Пошел совсем не так. Не так повернут.

Глаза его загорелись диким огнем, он метнул взгляд на Джоди. Потом пальцы на ощупь, осторожно взялись ставить диагноз. Кожа на его щеках натянулась, посерела. Целую минуту глаза его, в которых застыл вопрос, глядели на стоявшего у стены Джоди. Потом Билли шагнул к полке под люком для выгрузки навоза и влажной правой рукой взял молот дляковки лошадей.

– Выйди, Джоди, – велел он.

Мальчик стоял и тупо глядел на него.

– Выйди, говорю тебе, не то будет поздно.

Джоди не сдвинулся с места.

Тогда Билли быстро подошел к голове Нелли. И крикнул:

– Отвернись, черт тебя дерит, отвернись!

На сей раз Джоди подчинился. Отвернул голову в сторону. Он услышал хриплый шепот Билли. А потом – как глухо хрустнула кость. Нелли пронзительно фыркнула. Джоди оглянулся и успел увидеть, как молот снова взметнулся над плоским лбом и ударил по нему. Нелли грузно завалилась на бок, дернулась в конвульсиях и затихла.

Билли подскочил к ее громадному брюху; в руке он держал большой складной нож. Оттянув шкуру, он вонзил в нее острое лезвие и принялся пилить и кромсать тугое брюхо. Воздух наполнился густым ароматом теплых, еще полных жизни внутренностей. Другие лошади отпрянули назад, сколько пускала цепь, они пронзительно визжали и били копытами.

Билли бросил нож. Запустив руки в жуткую дыру, он вытащил из нее белый сверток – большой, капающий. Зубами прогрыз дырку в оболочке. В разрыве появилась маленькая черная головка, маленькие ушки – влажные, лоснящиеся. Послышался булькающий вздох, еще один. Билли вытащил новорожденного из плодного мешка, подобрал свой нож и отрезал пуповину. Минуту он держал маленького черного жеребенка перед собой и смотрел на него. Потом медленно подошел к Джоди и положил малыша в солому к его ногам. Билли был весь

заляпан кровью – лицо, руки, грудь. Его колотила дрожь, зубы отчаянно стучали. Голос пропал – он заговорил каким-то горловым шепотом:

– Вот твой жеребенок. Я обещал. И вот... вот он. Другого выхода не было... не было. – Он умолк и через плечо глянул в сторону стойла. – Принеси горячую воду с губкой, – прошептал он. – Обмой его и высуши, как родная мать. Тебе придется кормить его из рук. Но обещанного жеребенка ты получил.

Джоди глупо пялился на влажного, слабо хватающего воздух жеребенка. Малыш вытянул подбородок, стараясь поднять голову. Незрячие глаза его были темно-синего цвета.

– Черт тебя дерь, – вскричал Билли, – пойдешь ты за водой или нет? Пойдешь или нет?

Джоди повернулся и засеменял к выходу из коровника в нарождающийся рассвет. Все у него внутри ныло, от горла до желудка. Ноги одеревенели, налились свинцом. Ему хотелось быть довольным – теперь у него есть жеребенок! – но в воздухе перед ним висело залитое кровью лицо и затравленно-усталые глаза Билли Бака.